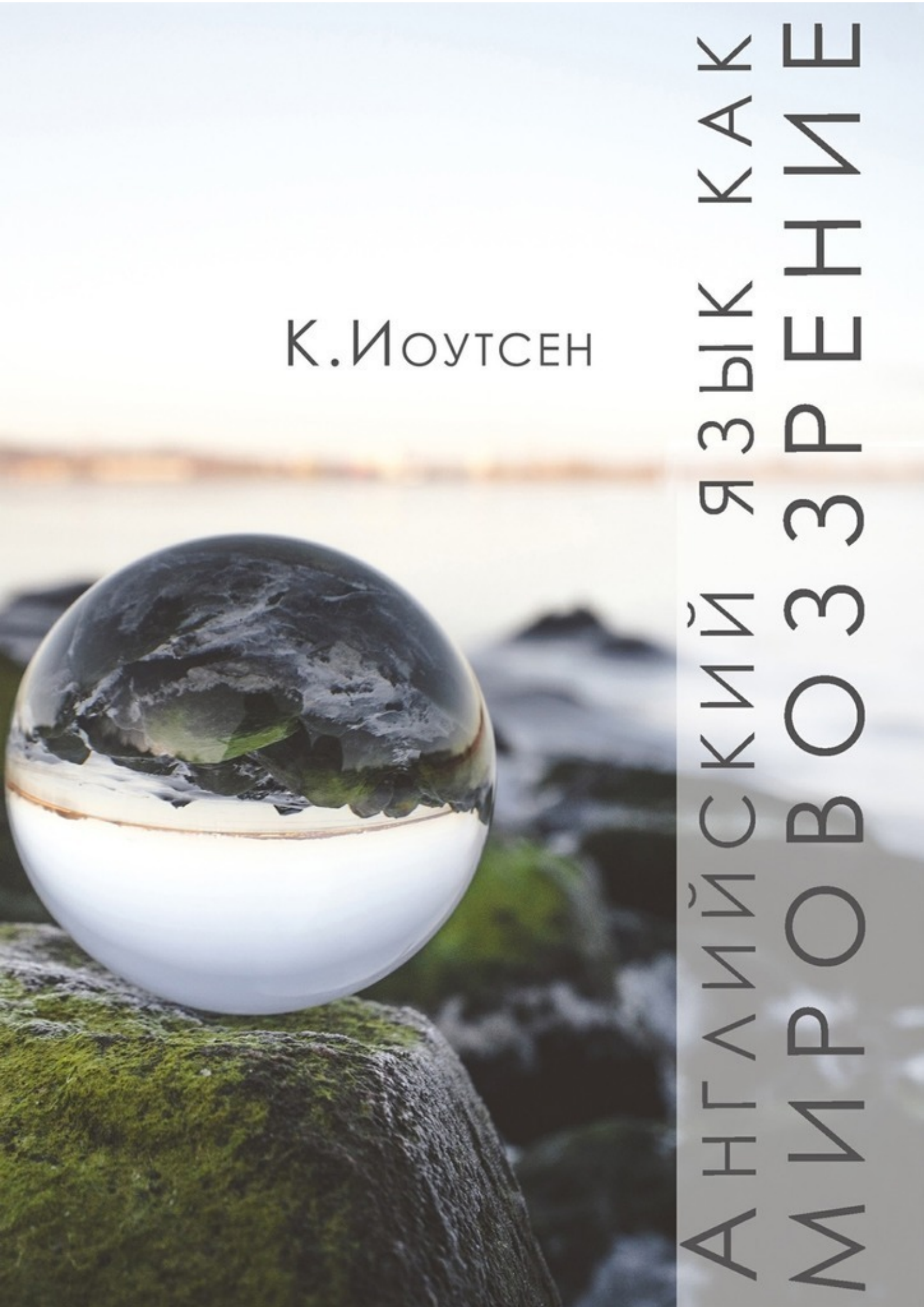

К.И. ОУТСЕН

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК
МИРОВОЗЗРЕНИЕ

К. Иоутсен

**Английский язык как
мировоззрение. наброски метода**

«Издательские решения»

Иоутсен К.

Английский язык как мировоззрение. наброски метода /
К. Иоутсен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909882-5

Английскому языку как мировоззренческому феномену посвящены очерки, собранные в этой книге. Что такое язык? Почему он устроен именно так? Как научиться воспринимать мир по-английски? Смысл грамматики и грамматика смысла, логика и мироощущение языка, его история и психология рассматриваются в теории и на практических примерах. Предлагая альтернативные объяснения, проводя контриндуктивные параллели, автор формулирует собственное представление о языке-творчестве, языке-жизни, языке-культуре.

ISBN 978-5-44-909882-5

© Иоутсен К.
© Издательские решения

Содержание

Содержание	6
Предисловие	7
Глава I Размышления о языке	9
Знание языка и знание о языке	9
Понятие языка	11
Происхождение языка	13
Языковая несоизмеримость	15
Инвариантное описание	16
Скрытые классификации	17
Логика языка	18
Глава II Постижение языка	19
Объяснение без определений	19
Язык как творчество	21
Языковой барьер	22
Язык как актёрская игра	24
Качество речи	25
Сроки обучения	27
Задачи преподавателя	28
Язык как образ жизни	29
Языковые навыки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Английский язык как мировоззрение

Наброски метода

К. Иоутсен

Дизайнер обложки К. Ю. Иоутсен

Дизайнер обложки А. Б. Ленина

Фотограф Polarpix / Fotolia.com

© К. Иоутсен, 2018

© К. Ю. Иоутсен, дизайн обложки, 2018

© А. Б. Ленина, дизайн обложки, 2018

© Polarpix / Fotolia.com, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-9882-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Предисловие

Глава 1. Размышления о языке

Знание языка и знание о языке – Понятие языка – Происхождение языка – Языковая несоизмеримость – Инвариантное описание – Скрытые классификации – Логика языка

Глава 2. Постигание языка

Объяснение без определений – Язык как творчество – Языковой барьер – Язык как актёрская игра – Качество речи – Сроки обучения – Задачи преподавателя – Язык как образ жизни – Языковые навыки

Глава 3. Изучение языка

История слов – Поле значений – Семантическая абдукция – Перевод через пересказ – Прямое описание – Описание описания – Дворец памяти

Глава 4. Происхождение слов

Языковое родство – Звукоподражание и звуковой символизм – Древнеанглийские неологизмы – Заимствование – Конверсия – Аффиксация и обратная формация – Контаминация и удвоение – Контракция и сокращение – Аблаут – Авторские неологизмы – Патологические неологизмы – Неологизмы и проблема перевода

Глава 5. Пространство и время

Части речи как категории пространства – Артикль – Герундий – Семантика категорий пространства – Категории английского времени – Простые времена – Продолженные времена – Совершенные времена – Совершенные продолженные времена – Будущее

Глава 6. Действие и объект

Переходные глаголы – Непереходные глаголы – Переходно-непереходные глаголы – Двупереходные глаголы – Модальные глаголы – Эргативные глаголы – Делексические глаголы – Фразовые глаголы

Глава 7. Практика и примеры

Парафраз – Случайное описание – Анализ текста

[Приложение] Очерк истории языка

Древнеанглийский период – Среднеанглийский период – Новоанглийский период

Заурядный учитель рассказывает.

Хороший учитель объясняет.

Лучший учитель демонстрирует.

Великий учитель вдохновляет.

Уильям Артур Уорд

Предисловие

Предисловие, как правило, так или иначе готовит читателя к тому, что его ждёт в основном тексте. В данном случае, однако, мне бы хотелось начать с того, чем настоящая книга *не* является. Она не родилась в долгих кабинетных размышлениях или в результате компиляции чужих идей, хотя и того, и другого в ней предостаточно. Это не научная работа, не итог исследования, хотя в ней немало специальных терминов и теорий.

В полном соответствии с заглавием, никакого метода, никакой методики на последующих страницах не описано, речь идёт лишь о *набросках* в смысле чего-то не в полной мере завершённого, продуманного и проверенного. Стремление к самим этим качествам плодотворно, но их достижение едва ли желательно. Во-первых, достигнуть их и невозможно, коль скоро совершенству – банально, но справедливо – нет предела, а во-вторых, обладание чем-то в превосходной степени делает ненужным дальнейший поиск и развитие, что неизбежно – в силу природы человека – приводит к застою и деградации. Более того, только в форме набросков, некой базовой парадигмы, методика изучения языка (как и многих других предметов) и может существовать, поскольку её ядро – импровизация, а движущая сила – как энтузиазм и харизма преподавателя, так и интерес и способности ученика.

Иначе предлагаемые ниже соображения можно охарактеризовать как стратегические, тактика же в каждом случае подбирается отдельно. Как гласит известный принцип, тактика, позволившая победить однажды, в другой раз может привести к поражению. Каждый человек обладает неповторимой индивидуальностью, несмотря на всевозможные типологии, поэтому конкретная методика преподавания вырабатывается всякий раз заново, пусть и исходя из каких-то общих установок. В этом отношении обучение в самом широком понимании сродни искусству, где есть множество правил, но каждое из них может быть изменено или нарушено. Важнейшее качество преподавателя, таким образом, – это *талант*, понимаемый как сочетание интуиции, вкуса, знаний, опыта и, конечно, творческого начала.

Именно преподавателям и адресована в первую очередь эта книга. Изложенные в ней идеи формировались постепенно, в течение более, чем десяти лет непрерывной преподавательской деятельности – срока сравнительно небольшого, но всё же достаточного для того, чтобы сделать *некоторые* выводы. Они не претендуют на оригинальность – почти ко всем ним я пришёл самостоятельно, но это, разумеется, не означает, что до меня тем же путем и намного более успешно не прошли другие. Впрочем, что считать успехом? Об истинности, достоверности, неопровержимости своих выводов я никогда не задумывался, а только лишь об их эффективности, проводя апробацию собственной практикой. То, как *создавался* этот труд, – методом проб и ошибок, наивных упрощений, открытия уже известного – и то, как он в итоге *создан*, есть наглядная демонстрация тех *идей*, которые он призван донести, а именно *творческого* способа преподавания, подразумевающего, помимо прочего, и самосовершенствование преподавателя в ходе обучения.

Тем, кто изучает английский язык, в том числе и самостоятельно, настоящие наброски тоже будут бесполезны, но, наверное, в качестве *дополнительного* пособия. Эта книга – не учебник, в ней нет программы и строгого плана (более того, она выступает против таких программ и планов), скорее она предлагает особую перспективу для уже усвоенного (или усваиваемого) материала. В этом смысле она может быть рекомендована тем, кто желает расширить, углубить или качественно преобразовать своё знание и понимание английского языка, уже обладая достаточным уровнем как языковой, так и общеобразовательной подготовки.

Первая часть книги посвящена общим рассуждениям о природе языка и преподавания, своего рода философским обоснованиям метода (имея в виду философию скорее в бытовом

понимании). Кому-то она может показаться чересчур оторванной от жизни и практики, однако, мне представляется первостепенно важной, поскольку это та парадигма, в которую укладывается собственно материал, тот способ, которым он преподносится.

Сам же материал – лексика и грамматика – остаётся относительно неизменным независимо от того, как мы его изучаем, так, что повторять на страницах этой небольшой книги общеизвестные правила мне показалось излишним, тем более, что найти их подробное изложение не составит труда. Некоторое количество лексического и грамматического материала, однако, приводится во *второй части* в качестве примеров того, как описанную общую теорию можно применить для демонстрации теории частной, языковой. Последняя глава, на ещё более конкретном уровне, включает образцы и разбор нескольких упражнений.

Самым важным компонентом мировоззрения является история, вернее, и то, и другое суть составные части единого (и неделимого) целого. Историзм пронизывает мировоззрение, и наоборот, поэтому сложно говорить об одном, не затрагивая другое. И вместе с тем, в интересах ясности, я счёл разумным посвятить истории языка – в самой общей её форме – отдельный очерк в *приложении*.

В целом эта книга написана довольно сухим стилем, хотя – как хотелось бы надеяться – не настолько, чтобы назвать его научным. Примеры на английском языке даются в самой краткой форме. Непосредственно для преподавания такой стиль и такие примеры, конечно, не подходят, но здесь они выбраны намеренно, из соображений нейтральности. В то же время, стиль не отличается излишней простотой (хотя специально и не усложнён), что также сделано не без причины, и призвано стимулировать более внимательное чтение. Вполне вероятно, в этой связи, что книга может оказаться слишком академичной для тех, кто далёк от учёной среды, и при этом – слишком любительской для профессиональных лингвистов. Но об этом судить самим читателям.

Мне бы хотелось выразить благодарность всем моим ученикам, так или иначе повлиявшим на становление моих взглядов, а особенно К. Беяеву, Г. Крючкову, А. Лениной, Б. Мессереру, А. Модестову, Е. Подосинниковой и М. Спектору. В какой-то мере я, конечно, испытал и влияние своих учителей, прежде всего А. Никифорова и В. Рыбакова (первого читателя этой работы). Кроме того, я признателен моим добрым знакомым, филологам А. Магировской и Е. Топниковой, которые любезно и откровенно высказали мне всё, что они думают о моих воззрениях. Разумеется, за все недостатки сего труда несу ответственность только я один.

Глава I Размышления о языке

Знание языка и знание о языке – Понятие языка – Происхождение языка – Языковая несоизмеримость – Инвариантное описание – Скрытые классификации – Логика языка

Знание языка и знание о языке

Прежде, чем начать разговор о языке, следует разграничить внутреннее практическое знание *собственно языка* и внешнее теоретическое *знание о языке* – связанные, но совсем не тождественные вещи. В зависимости от того, какое знание приоритетно, должен и выбираться соответствующий подход. Если – как в настоящей работе – речь идёт об овладении языком как таковым, то теорию следует привлекать лишь в том количестве и той форме, которая абсолютно необходима на практике. Иными словами, не имеет никакого значения, насколько используемое знание о языке *истинно*, насколько оно соответствует современным научным воззрениям или даже здравому смыслу. Единственным критерием качества и ценности информации является то, насколько она *полезна*. Эффективное обучение опирается на прагматизм, а значит, всякое объяснение истинно настолько, насколько оно эффективно.

Ценнейшим опытом можно считать усвоение родного языка ребёнком, который не получает никаких сведений ни о лексике, ни о грамматике, ни об истории языка и тому подобном. Ребёнок усваивает язык *естественным образом* – наблюдает, имитирует, делает выводы, ошибается, преуспевает. Конечно, нельзя забывать о возрастных особенностях, накладывающих отпечаток на специфику всего этого процесса, и вместе с тем, именно такое обучение, по сути, самообучение, представляется образцовым. К сожалению, происходит оно в столь раннем возрасте, что едва ли кто сохраняет о нём сколько-нибудь отчётливые воспоминания, а изучение его со стороны трудно применить на собственном опыте.

Когда речь идёт о подростках или взрослых, то аналогичным описанному методом может, как кажется, служить только полное погружение в языковую среду, что, однако, далеко не всегда осуществимо, да и не во всех случаях даёт безусловно положительные результаты. Поэтому, как правило, изучение всякого иностранного языка начинается с теории и подкрепляется практикой, а не наоборот. В целом это оправданно, вопрос лишь в том, какую теорию (и какую практику) применять, в каком количестве и как.

Условно разделим всё знание о языке на две области: общую и конкретную. К общему знанию отнесём историю и психологию языка, особенности его мировосприятия и внутренней логики, структуру, связь с другими языками; к конкретному же знанию – непосредственно грамматические правила, принципы словоупотребления, то есть, техническое описание языка в его нынешней форме. В принципе это, разумеется, одно и то же, но в разном масштабе. Большая часть учебных пособий, несмотря на всю разницу методик и подходов, подробно останавливается на конкретном знании, исходя из его прямой связи с практикой. Это в свою очередь приводит к *техническому восприятию* языка, пониманию того, что язык и есть, в сущности, набор слов и правил. Но язык не математика, технического мастерства для полноценного владения языком недостаточно. Язык должен работать на уровне ощущений, чувств, интуиции. Язык – это *мировоззрение*, которое невозможно изложить лишь аналитически, в строгих и точных терминах и определениях, как невозможно, скажем, описать красоту осеннего леса через

подсчёт количества листьев и распределения их по цветовой шкале – красоту (в самом бытовом понимании этого слова) можно только *увидеть*, но нельзя *обосновать* или доказать.

Общее знание, таким образом, представляется как минимум настолько же важным, что и конкретное. Или более важным, коль скоро оно есть результат обобщений более высокой степени, сделанных на более широком материале. Чтобы увидеть некоторую закономерность в отношении некоторого явления грамматики, вывести в первом приближении некоторое правило, достаточно всего нескольких примеров. Чтобы увидеть мир так, как видит его носитель языка, примеров нужно несоизмеримо больше, а, кроме того, нельзя будет обойтись без сведений о культуре и истории, которые позволят понять, *почему* данный язык именно такой.

Понятие языка

Что же такое язык? Как его определить, охарактеризовать? Это одно из тех многих абстрактных понятий, которые каждый понимает несколько по-своему, и даже в науке ему нет единого толкования. В филологии, психологии, философии имеются разные, пусть и схожие, трактовки.

В данном случае, однако, более важно не то, чем является язык в качестве объекта изучения, а то, как он может использоваться в качестве инструмента. Очевидно, что язык служит для *восприятия* и/или *формирования* – реальности или фантазии – и их *описания*, он *фиксирует информацию* (любого рода), посредством него она *передается* от одного человека к другому. Если ограничиться только этим набором функций, можно заметить, что ни одна из них не присуща исключительно языку. И всё-таки, как кажется, ничто другое не обладает всеми этими функциями одновременно.

Попробуем обратиться к метафоре. Например, тем, кто интересуется компьютерами и вообще информационными технологиями, можно предложить сравнение языка с операционной системой. Последняя нужна для того, чтобы, с одной стороны, оживить собственно компьютер (= материальный мир), придать ему смысл и сделать возможным работу с ним, а с другой, это необходимая среда (= слова, понятия) для использования отдельных программ (= отдельные виды материальной и духовной деятельности). Операционная система не является уникальной лишь для одного компьютера (= язык не уникален для одного человека), она более или менее широко распространена, благодаря чему программа (= идея, теория, произведение искусства), созданная на одном компьютере (= одним человеком), может работать и на другом (= у другого человека). Операционная система даёт определенные возможности и накладывает определённые ограничения (= понятийный аппарат), она диктует некоторые общие правила (= грамматика), обязательные для всех, кто ей пользуется, она определяет, какие программы мы можем на ней запускать (= какую мысль можно выразить), а какие нет. Да и сами программы, несмотря на своё разнообразие, несут отпечаток этой системы. При этом, разные операционные системы (= языки) несовместимы и несоизмеримы: элементу одной можно (и не всегда) найти лишь приблизительное соответствие другой; программа, созданная для одной, не будет работать в другой. Хотя, в сущности, разные системы можно установить на один и тот же компьютер, в том числе и одновременно (= человек может владеть несколькими языками).

Конкретного знания операционной системы – как включить и выключить компьютер, вырезать/копировать/вставить файлы и тому подобного (= грамматические правила и нормы словоупотребления) – достаточно, чтобы ей пользоваться. Однако продвинутые пользователи захотят, возможно, её персонализировать (= соответствие языка стилю мышления), сделать более быстрой и производительной (= соответствие языка содержанию мысли). Может возникнуть и необходимость в программе, которая ещё не никем не создана, или может появиться неисправность, которая никем не предусмотрена. В этом случае потребуется более глубокое знание системы (= *общее* знание языка), например, понимание программирования (= логика языка) и знание математики (= психология, история).

Для тех, кто больше склонен к искусству, сравним язык с музыкальным инструментом, а музыку – с речью, то есть, с идеями, облечёнными в языковую форму. Инструмент – это своего рода посредник между физическим миром и нашим внутренним. Он позволяет нам выразить то, что мы думаем, придать этому определённую условную форму, понятную другим. Инструмент как отражает реальность в виде объективных принципов акустики, так и создаёт её, поскольку музыки нет в природе. Для одного и того же инструмента, вернее, вида инструмента, написаны разные произведения, которые всякий, владеющий этим инструмен-

том, может исполнить. У всякого инструмента есть свои особенности, что-то на нём сыграть можно, а что-то нет. Музыка, созданная для определённого (вида) инструмента, привязана именно к нему, хотя с разной долей достоверности (но никогда полной) может быть исполнена и на других инструментах. И ничто – кроме отсутствия способностей и желания – не мешает одному музыканту владеть несколькими различными инструментами.

Опять же, знания основных приёмов техники игры довольно, чтобы сыграть *какую-то* музыку, но чем лучше мы владеем инструментом, тем точнее, полнее и глубже мы можем изложить наши мысли. Виртуоз не играет на случайном инструменте, он не только тщательно его выбрал, но и тщательно изучил. Стальные струны или нейлоновые? Цифровое пианино или акустическое? Французская система клапанов или немецкая? Не только виртуозом, но и исполнителем сколько-нибудь высокого уровня невозможно стать, не разобравшись в устройстве инструмента, его истории, не зная ничего о тех людях, которые на нём играли и играют.

Подобных метафор можно найти множество, и подбирать их следует исходя из потребностей каждого конкретного случая. Главное – чтобы метафора была наглядной и доступной и отражала *ключевые* черты языка.

Происхождение языка

В масштабе человечества языки создаются людьми, однако, в масштабе жизни отдельного человека язык – это уже *данность*. Именно язык изначально определяет то, как человек будет видеть мир и каково будет место человека в мире. Язык в этом смысле есть не что иное, как квинтэссенция конкретной культуры.

Мир вокруг нас велик, сложен и бесконечно разнообразен. Он изменяется быстрее, чем мы успеваем это заметить. Каждая частица этого мира – по какому бы принципу мы не делили мир на части – уникальна, и ничто в нём не повторяется в точности. В сущности мир есть *хаос*, даже если понимать под хаосом порядок сверхвысокой степени организации. В условиях хаоса, впрочем, невозможна никакая *деятельность*, поскольку всякий раз мы оказываемся в абсолютно новой ситуации. Нам не с чем её сравнить, поскольку все наши ситуации различны. Мы не видим никаких причин, никаких следствий, никаких целей – у нас даже нет таких понятий. В подобных условиях мы полагаемся только на инстинкты и рефлексy.

Можно, однако, выбрать несколько иную перспективу. Конечно, в мире нет ничего совершенно одинакового, но это не значит, что всё *в равной степени* неодинаково. Нечто больше похоже на что-то одно, чем на что-то другое. Как кажется, с этой простой идеи и начинается язык, то есть, с объединения в сознании людей разрозненных частиц мира в группы, с выделения их общих характеристик, иными словами, с абстрагирования и классификации. Благодаря этому появляется возможность говорить, к примеру, не о данном камне, а о камне *вообще*, не о холодном, как о свойстве ветра, который мы сейчас чувствуем, а о холодном *вообще* и так далее.

По-другому тот же самый процесс можно представить как переход от имён собственных к именам нарицательным. Когда мы даём имя какому-то конкретному явлению – предмету, свойству, действию – это первый шаг к языку, но ещё не язык, поскольку все эти имена, как и означаемые ими явления, разрозненны и никак не связаны друг с другом, а сходства и различия между ними никак не прояснены. Количество (собственных) имён, таким образом, теоретически равно количеству явлений, а значит, и не так важно, есть у них имена или нет. Мир по-прежнему хаотичен, пусть и уже более удобен. Но когда мы даём имя не *одному* конкретному явлению, а *группе* явлений, ситуация радикально меняется. Теперь огромному количеству явлений соответствует сравнительно небольшое количество (нарицательных) имён.

Если описанная выше точка зрения более или менее объясняет, *как* возникает язык, всё равно остаётся вопрос о том, *почему* это происходит. Для одного только выживания никакое абстрагирование не нужно, никакая классификация необязательна. В конце концов, язык в той или иной форме есть и у животных, но его функции, по-видимому, ограничены передачей простейшей информации и не связаны с описанием мира, а именно последнее отличает язык человека от языка животных. Откуда же и как эта функция описания берётся? Едва ли древние люди задумывались над подобными проблемами и уж тем более обсуждали их – для этого им *уже* нужен был бы язык, стало быть, формировался он неосознанно.

По всей видимости, решающим фактором здесь оказывается *страх* – по выражению классика, самая сильная из человеческих эмоций, особенно в форме страха перед неизведанным. Непонятный, непредсказуемый и потенциально опасный мир-хаос, которому невозможно противостоять и от которого невозможно скрыться, есть воплощение всего неизвестного и, следовательно, первоисточник страха. Единственный способ победить или, по крайней мере, обуздать этот страх сводится к тому, чтобы узнать неизвестное, понять непонятное, увидеть форму там, где прежде её не замечалось, то есть, *упорядочить*. Всего лишь одно сходство, обнаруженное между двумя единичными явлениями, вызывает смутное ощущение того, что мир только *кажется* хаотичным, что порядок *существует* и может быть *обнаружен*. С каждым новым

открытием мир делается всё понятнее, а страх всё отступает. Таково начало языка, культуры, цивилизации. Похожая картина так или иначе отражена и в мифологии многих народов.

Нетрудно, впрочем, заметить, что *формирование упорядоченного представления* о мире (приписывание) – это совсем не то же самое, что *поиск уже имеющегося порядка* в мире (описание). Точнее говоря, между этими вещами вообще нет прямой логической связи. Переход от одного к другому происходит, так сказать, психологически, из присущего человеку стремления выдавать желаемое за действительное. На самом базовом уровне всё наше мировоззрение есть не что иное, как успокоительная иллюзия, подменяющая хаос бытия образом порядка.

Любого рода абстрагирование – это прокрустово ложе подмены богатства и разнообразия хаоса типологией системы. Нивелируя индивидуальные особенности и различия, порядок при-вносит упрощение и искажение. И вместе с тем, это не только неизбежно, но и необходимо. Мы можем либо смотреть на мир во *всех* его красках, но *не различать* их, либо видеть мир серым, но различать *оттенки* серого. Каждый язык – это отдельный набор таких оттенков. Овладевая новым языком, мы добавляем новые оттенки в палитру нашего индивидуального сознания, а значит, воспринимаем мир более детально, более многомерно, более ярко. Наше мировоззрение приобретает новый уровень, не более и не менее высокий, а просто иной, новую сетку координат, новую систему ориентиров на карте реальности, что даёт нам возможность жить более полной и насыщенной жизнью. Только ради этой цели – достаточной самой по себе – и стоит, пожалуй, изучать язык.

Языковая несоизмеримость

Принцип обобщения и систематизации – это то, что все языки объединяет, но по тому, как именно этот принцип реализуется, языки и различаются. Действительно, у всякого явления есть множество свойств, соответственно, в зависимости от того, какие свойства мы выделяем, и включать это явление можно в самые разные группы. Некоторые свойства приходится считать главными, *определяющими* для данного явления, другие – *второстепенными*, из чего складывается *иерархия* свойств. В сущности, это тот же самый принцип обобщения, но прикладываемый уже не ко всему миру в целом, а к частице мира – одному конкретному явлению.

Но какие свойства более, а какие менее важны? По каким сходствам обобщать, по каким различиям разделять? На ранних этапах истории человечества, в условиях, когда главная – если не единственная – задача сводится к *выживанию*, ответы на эти, по-прежнему неосознанные, вопросы диктуются, по-видимому, *практикой*, непосредственными условиями жизни и деятельности, которые в свою очередь накладывают отпечаток и на коллективное *сознание* людей, обитающих в разных условиях. Кто-то живёт в тёплом климате, а кто-то в холодном, кто-то охотится, а кто-то ловит рыбу. Так и внимание этих людей сосредоточено на тех явлениях и свойствах явлений, которые для них более *практически* важны, что впоследствии закрепляется в их психологии и воплощается в языке. Затем эти уже готовые понятия становятся отправной точкой и мерой растущих знаний о природе и самом человеке, морали, вообще мировоззрения. У разных групп людей складываются *особенные* обычаи и традиции, возникают культуры и цивилизации, и с ходом исторического процесса различия эти только усиливаются. В итоге разные мировоззрения – и соответствующие им языки – не только непохожи и несопоставимы, но и *несоизмеримы*, каждое из них описывает мир по-своему, выделяет специфические понятия, расставляет свои собственные акценты.

Возьмём для примера условный язык эскимосов крайнего севера и условный язык туземцев тропического юга. Сможет ли эскимос объяснить туземцу, что такое снег? Вернее, сможет ли туземец это понять? По отдельности абстрактные свойства снега – белый, холодный, мокрый, падающий с неба – возможно, ясны. Впрочем, *точно* ли так же понимает их туземец, как и эскимос? К тому же, речь и не о *явлении* как таковом, а о языковом *отражении* этого явления, прошедшем через восприятие, нагруженном интерпретацией, переодетом в словесную форму, не говоря уже о том, что всякое явление есть нечто большее, чем совокупность его свойств. Все эти своего рода *фильтры*, стоящие между явлением и его пониманием, тоже составляют язык. Фильтр пропускает то, что может быть пропущено, и задерживает или изменяет всё остальное. Какая-то информация через него, конечно, проходит, но в конечном итоге – это лишь более или менее похожий *аналог*. Даже если эскимос исключительно красноречив и у него первоклассный переводчик (а его/их собеседник исключительно сообразителен), более того, даже если он *продемонстрирует* туземцу снег, он сможет рассчитывать лишь на то, что добился самого общего представления о снеге. Чтобы увидеть десятки оттенков белого, почувствовать разные степени мокрого и холодного, понять, что снег может быть причиной как гибели (буря), так и спасения (иглу), представить само существование, настолько тесно связанное со снегом во всех его проявлениях, что их невозможно разделить, – для этого туземцу потребуется родиться и (несколько поколений) прожить на севере. Иными словами, чтобы понять эскимоса, туземец должен *быть* эскимосом. И, конечно, наоборот.

Чем более близки – географически, исторически, культурно – люди, говорящие на разных языках, тем более адекватного взаимопонимания они могут достигнуть. Но это взаимопонимание никогда не будет абсолютным, во всяком случае, его никогда нельзя с полной уверенностью *обнаружить*.

Инвариантное описание

Выше подчёркивались различия, определяющие разницу языков, и ими же определяемые. Но можно возразить, что даже самые несхожие условия жизни людей не более, чем детали, не затрагивающие общего, а именно того, что все люди – это, собственно, люди, а весь мир вокруг нас подчиняется одним и тем же законам природы. Ни то, ни другое, впрочем, нельзя считать весомым аргументом. Выделение людей в общую категорию – уже результат *языкового* мышления. Все люди различны и каждый человек уникален, как и всё остальное. То же самое касается и законов природы. Они не описывают природные явления, а лишь выражают представление, свойственное конкретному мировоззрению.

Как уже отмечалось, объективная реальность – если она существует – *инвариантна*, то есть, может быть описана различно в пределах, допускаемых как самим объектом, так и нормами описания. Распространённость, даже обыденность, объекта вовсе не означают, что он будет описан одинаково. Даже выделение его частей неоднозначно.

Объект, без преувеличения знакомый каждому человеку, – его собственное тело. Не принимая в расчёт индивидуальные особенности и исключительные случаи, у всех людей оно схоже. Очевидно, что у тела есть разные части. Голова – это не то же самое, что рука, а глаз отличен от уха. Но где и как провести *точную* границу между соседними частями тела? Это уже не всегда возможно. Ясно, где *примерно* заканчивается шея и начинается туловище, но мы можем лишь установить область, в *пределах* которой условно проходит такая граница. Тело *не собрано* из разных частей, мы лишь из соображений удобства *различаем* в нём части. А различать их – в рамках разных языков – мы можем по-разному. Например, по-русски мы не различаем пальцы на руках и ногах. Все они в одной категории *пальцев*, и всего их двадцать. По-английски пальцы на руках – это *fingers*, а на ногах – *toes*. Разные слова, разные понятия, разные категории частей тела, по десять тех и других соответственно.

Опять же, насколько детально можно делить тело и какова иерархия частей? В русском языке рука простирается от плеча до кончиков пальцев, это одна часть тела. Кисть руки, как следует из самого наименования, – это часть части, под-часть. В английском же единого понятия руки нет. Есть *arm* (рука от запястья до плеча) и *hand* (кисть руки), причём обе эти части совершенно равнозначны. То есть, там, где мы видим *одну* часть тела, англичане видят *две*. С ногой история ещё более запутанная. По-русски нога – это от бедра до кончиков пальцев. Стопа (ступня), как нижняя часть ноги, аналогична ладони. По-английски единого понятия ноги тоже нет. Есть *leg* (нога от бедра до щиколотки) и *foot* (от щиколотки до кончиков пальцев). Такое понятие, как *foot*, аналогичное кисти руки, в русском языке вообще отсутствует. Но *foot* – это ещё и стопа, а значит, одним словом обозначаются два разных понятия: часть тела и часть части!

Таких примеров – бесчисленное множество. По отдельности они незначительны, даже курьёзны, но из них складывается специфическое мировоззрение языка. Способность пережить это мировоззрение, то есть, воспринимать мир *исключительно* в понятиях конкретного языка, есть одно из необходимых условий и признаков полноценного владения этим языком. Недостаточно умения говорить, слушать, писать, читать и даже думать по-английски. Нужно чувствовать по-английски, смотреть английскими глазами и слышать английскими ушами, переключаясь *полностью* с одного языка на другой.

Скрытые классификации

В некотором смысле грамматика, как основа лингвистической системы, выполняет в отношении слов языка ту же функцию, что и сам язык в отношении окружающего мира (следовательно, грамматика на порядок более абстрактна, чем язык) – она содержит определённую *космологию*, всеобъемлющее представление о реальности, включая общество и положение в нём человека, влияющую в совокупности на мышление, поведение и восприятие людей. Это формообразующая основа мысли, программа и руководство для всей (или значительной части) мыслительной активности индивида, для анализа и синтеза им впечатлений и схем деятельности. Но эта космология, в отличие от космологии отдельных понятий, соотносимых с отдельными явлениями и группами явлений, скорее интуитивно *чувствуется*, чем рационально *осознаётся*.

Грамматика, наряду с лексикой, задаёт границы того, что и как можно выразить в языке. Грамматика – это внутренний *фильтр* языка, через который проходит формирующийся лексический образ как отражение восприятия, застывая в форме конкретного слова, имеющего конкретные грамматические характеристики (по крайней мере, в рамках индоевропейских языков). Тот же фильтр, конечно, разделяет и наше сознание и речь. Есть вещи, о которых невозможно адекватно сказать, есть вещи, которые невозможно адекватно описать – *на данном языке*. Всегда существует лингвистический предел того, что вообще может быть высказано в конкретном языке, более того, этот предел совпадает в сознании носителей языка с пределами самой вещи.

В этой связи никогда не следует пытаться прояснить некоторое понятие или грамматическое явление больше, чем это допускается материалом. Неясность не является свойством самого понятия, а лишь того *понимания*, которое формируется в нашем сознании. Неопределённость и неполнота преодолеваются только новой *информацией*, а не логической *реконструкцией*, то есть, в данном случае, новыми примерами употребления, а не объяснением. Это не мешает делать *предположения*, но проверяться они должны только на практике, а не теоретически.

Наконец, любопытна история самого слова «грамматика». Изначально – со времён античности – так обозначалось изучение языка и литературы вообще, то есть, всё то, что сегодня называется филологией в самом широком понимании. В дальнейшем, в Средние века, значение термина сузилось и стало относиться лишь к языку, главным образом, латинскому, и одновременно к образованию и знанию в целом, поскольку латынь была базовым предметом в школе и университете. В условиях преобладающей неграмотности знание, олицетворяемое умением читать и писать, несло ореол чего-то мистического, недоступного непосвящённым, а текст воспринимался как волшебное заклинание. До сих пор английский глагол *to spell* означает *и писать или читать по буквам, и накладывать чары*. Латинское (из древнегреческого) слово *grammatica*, попав во французский язык, превратилось в *grammaire*, из которого, в свою очередь, и образовалось английское *grammar* (*грамматика*). Вместе с тем, от *grammaire* произошло также *grimoire* (*гримуар*, книга магии; англ. *gramarie*), а от *grammar* – *glamour* (*гламур*, изначально разновидность заклинания, изменяющего или скрывающего облик).

Логика языка

Начиная по меньшей мере с эпохи расцвета древнегреческой культуры, через христианское средневековье и вплоть до сегодняшнего господства науки, для всего условно-западного мировосприятия характерно оперирование контрастами и бинарными оппозициями, что короче всего выражается крылатой латинской фразой *tertium non datur* – третьего не дано. Это тот самый изначальный принцип выстраивания иерархии свойств. Всякое предложение либо истинно, либо ложно, всякий предмет либо такой, либо не такой, всякое свойство имеет себе противоположное, всякий процесс в одной точке начинается, а в другой заканчивается. Даже сама природа во всех своих явлениях разделяется всего на *две* фундаментальные категории – предметов и действий. И те, и другие бывают только *двух* видов – субъекты и объекты, активные и пассивные. Причина и следствие, теория и практика, идея и материя – в эти пары, как и в бесчисленное множество других, сложно добавить третий элемент. В этом отношении русский и английский языки похожи.

Двоичный принцип описания пронизывает наше мировоззрение на всех уровнях настолько, что представляется нам единственно возможным или, во всяком случае, единственно правильным. Более того, он был бы *естественен* для всех людей, коль скоро само человеческое тело симметрично, то есть, имеет двойное количество большинства видимых и значимых частей – глаз, ушей, рук, ног и прочего. Да и по половому признаку, немаловажному во все времена, человек, как правило, это только либо мужчина, либо женщина.

Изучение других культур, однако, показывает, что за пределами нашей собственной двоичный принцип распространён гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Например, в восточных мировоззрениях, в частности, (древне) китайском, мир един и не распадается на противоположности. Предметы и действия принципиально неразличимы, свойства не существуют отдельно от явлений, следствия заложены в причинах, а причины – в следствиях. Порядок рассматривается не как абстрактная структура, наполненная конкретным содержанием, а как набор индивидуальных взаимосвязей между явлениями, расположенными иерархически. Бинарная оппозиция служит для упорядочивания явлений относительно *друг друга*, а не абстрактных крайностей. В китайском сознании вместо классификации по *признакам* используется *аналогия*. Скажем, в западной логике такие понятия, как флейта, труба, арфа, фортепиано, барабан и скрипка, можно объединить в категорию *музыкальных инструментов*, что в свою очередь есть разновидность инструментов вообще (наряду со строительными, пишущими и прочими) и так далее. Это классификация по признакам. В восточной логике категория выглядела бы скорее так: флейта, дерево, дыхание, воздух, мелодия и радость. Это разрозненные понятия, объединяемые вместе для успешного *создания музыки*. В первом случае категория носит *описательный* характер, во втором же – *предписывающий*.

Ещё более ясно специфику восточного понимания порядка можно показать на известном примере классификации животных в «одной китайской энциклопедии», которая выделяет следующие категории: (1) принадлежащие императору, (2) мумифицированные, (3) ручные, (4) молочные поросята, (5) сирены, (6) сказочные, (7) бродячие собаки, (8) включённые в настоящую классификацию, (9) бешеные, (10) бесчисленные, (11) нарисованные очень тонкой кистью из верблюжьего волоса, (12) прочие, (13) только что разбившие кувшин с водой, (14) издалика похожие на мух. Стоит ли удивляться, что в китайском языке отсутствует даже деление на части речи!

Глава II Постижение языка

Объяснение без определений – Язык как творчество – Языковой барьер – Язык как актёрская игра – Качество речи – Сроки обучения – Задачи преподавателя – Язык как образ жизни – Языковые навыки

Объяснение без определений

Сама по себе способность передать значение одного понятия с помощью других понятий – особенно если все они являются абстрактными – совершенно необязательно свидетельствует о понимании. Она может указывать на хорошую память или красноречие, которые, безусловно, важны, но понимания не заменяют. Единственным его критерием можно считать лишь то, насколько адекватно оно реализуется на практике.

Более того, объяснение и понимание одних понятий *только* через другие понятия – это замкнутый круг. Представляя целое как состоящее из частей, а части как составляющие целое, мы впадаем в смысловую тавтологию, часто неявную, но от того не менее порочную, в результате чего ни одного из понятий вполне не понимаем.

Чётких и логичных формулировок, таким образом, следует *избегать* при объяснении материала, а особенно следует избегать их заучивания, за исключением, может быть, отдельных редких случаев. Важно понять *суть* вопроса, и не имеет значения, как эта суть описана и изложена. У всякого человека имеются свои индивидуальные особенности мышления, собственное видение мира, своя логика; кто-то выражается кратко, а кто-то многословно, кто-то логично, а кто-то противоречиво. Для каждого наилучшим объяснением будет то, которое подходит *именно ему*, и только он сам способен его сформулировать. Эта формулировка может быть осуществлена любыми средствами: с помощью слов, рисунков, звуков, запахов или вовсе на интуитивном, невыразимом уровне. Универсальные определения созданы для всех и ни для кого.

Здесь можно вспомнить об известном в квантовой механике принципе неопределённости: сам факт наблюдения или даже присутствия наблюдателя, изменяет объект, в связи с чем точность наблюдения возможна лишь до некоторого предела. Так и с объяснением – пытаясь придать ему абсолютную точность, мы тем самым искажаем объект, то есть, получаем точное определение того, что *не может быть* точно выражено.

Задача преподавателя, таким образом, сводится, во-первых, к тому, чтобы самому понять основные принципы мышления и свойства характера ученика, а во-вторых, к тому, чтобы преподнести материал опосредованно, через различные примеры, с разных перспектив, используя метафоры, аллегории, аналогии, исторические экскурсы, иными словами – предлагая *альтернативы*. Одно и то же явление можно описать и объяснить *множеством способов*, и необходимо найти тот, который окажется наиболее эффективным в данном конкретном случае, даже если этот способ прямо противоречит общепринятым.

Вообще, всякий метод единообразия есть метод обмана. Поддерживая конформизм, он посягает на истину, ослабляя воображение, претендует на понимание. Разнообразие мнений и подходов – единственный путь объективного, или приближенного к объективному, познания, а поощрение разнообразия – единственный метод, совместимый с принципами гуманизма. В конце концов, всякое образование, как представляется, должно готовить человека

к тому, чтобы он мог сделать *выбор*, а не подчинять его заранее отобранной группе стандартов, сколь бы высокими и желательными они не казались.

В этой связи, не рекомендуется в процессе обучения пользоваться готовыми материалами – учебниками, пособиями, методическими разработками (включая, конечно, и эту). В крайнем случае, допустимо их смешивать, не останавливаясь надолго на чём-то одном. *Контролируемая бессистемность* и дезориентированность – необходимое условие развития мышления вообще и языкового мышления в частности.

Язык как творчество

Любой язык – это сложный и многомерный феномен. С практической точки зрения, главным его измерением является *творческое*. Посредством языка человек создаёт особую вторичную реальность, зеркальную окружающему его миру (допуская, что этот мир объективно существует). Но творчество используется и в отношении самого языка. Размышляя о чём-либо в нестрогой, художественно-артистической манере, мы нередко наталкиваемся на такие идеи и ходы мысли, которые никогда бы не получили предписанными правилами.

Конечно, речь не идёт о том, чтобы использовать нормы языка произвольно, а лишь о том, чтобы не устанавливать методологических рамок более строгих, чем это необходимо, и по мере возможности оставлять ученику большую свободу в обучении, даже *принуждать* его к такой свободе. Формальный, так сказать, бюрократический, подход в отношении любого предмета, предусматривающий чётко определённый порядок действий, заведомо готовый комплекс практических заданий и критерии их оценки, строгое расписание и тому подобное, создаёт *впечатление* прогресса и ассоциируется с рациональным, систематическим, правильным процессом. Даже если этот процесс не особенно увлекателен, он прост, ясен и предсказуем. Для кого-то, возможно, он также будет и наиболее эффективным.

При всех своих видимых преимуществах, однако, рутина не совместима с творчеством. Она навязывает мышлению ограниченный набор языковых шаблонов, но не даёт навыков их преобразования, делает невозможным языковое самовыражение личности. Но главная проблема в том, что психологически рутина проводит знак равенства между успешно выполненным упражнением или пройденным курсом и реальным владением языком, приводит к тому, что бесчисленные нюансы и оттенки смысла, собственно и наполняющие жизнью механический каркас языка, просто не принимаются во внимание. Иначе говоря, формальное обучение приводит к формальным результатам.

Как уже неоднократно подчёркивалось, язык – это мировоззрение. Грамматика и лексика – лишь оболочка языка, ядро же его глубоко внутри, и оно неотделимо от оболочки и в то же время именно в ней наиболее ярко и отражено. Игнорировать его – всё равно, что читать захватывающий роман, *намеренно* оставаясь равнодушным. Или вовсе изучать книгу, измеряя её вес и размер, подсчитывая слова и буквы, определяя толщину страниц и состав чернил, что позволит нам получить очень точные и объективные данные, но при этом, мы упустим самое важное – *о чём* эта книга написана (что каждый поймёт несколько по-своему).

Язык нельзя выучить, его можно постигнуть, им можно овладеть. Типовые задания, как обучающие, так и проверочные, особенно тесты и беседы на заданные темы, в этом отношении совершенно нежелательны. Это рутина в худшем понимании. Известная доля *непредсказуемости* в обучении способствует выработке умения действовать в новых ситуациях, находить нестандартные решения, импровизировать. Поэтому, например, тема для беседы или сочинения *должна* выбираться учеником, а не преподавателем, ученику она *должна* быть интересна; точно так же ученик *должен* сам выбирать, что он хочет читать, смотреть и слушать на языке и даже то, какие выполнять упражнения и как.

Нередко такой подход сталкивается поначалу с большими трудностями, прежде всего из-за отсутствия привычки к творчеству, что последовательно – пусть и по необходимости – проводится всем массовым образованием, за исключением, вероятно, художественного. Кроме того, он требует гораздо больших усилий и более высокого уровня подготовки и самодисциплины и от преподавателя, и от ученика. В связи с этим, достаточно, если на первых этапах есть хотя бы *иллюзия* самостоятельного выбора. Задача преподавателя состоит в том, чтобы корректировать творческий выбор ученика, направлять его, сообразуясь с потенциальной полнотой реализации его способностей.

Языковой барьер

Процесс сознательного постижения языка, как и многих других видов практической деятельности, начинается с усвоения и накопления некоторых теоретических знаний, которые на каком-то этапе доводятся до автоматизма и преобразуются в практику, не требующую прямого сознательного контроля, в своего рода сложные условные рефлексы. Этот этап с большой долей условности и принято считать языковым барьером. Иначе можно охарактеризовать его диалектически, как переход от количественных изменений к качественным. Преодоление языкового барьера, являющееся основной задачей обучения, не равнозначно вместе с тем овладению языком. Скорее первое есть необходимое условие для осуществления второго.

Помимо прочего, языковой барьер – это феномен психологический и в высшей степени индивидуальный. Некоторые переходят его сразу и с лёгкостью, другие не способны к нему даже приблизиться. В последнем случае пользоваться языком всё равно возможно, на некотором уровне, но это сродни тому, чтобы управляться с прибором, не выпуская из рук инструкции.

Сам термин *барьер*, возможно, не вполне удачен, поскольку это именно переходный *этап*, занимающий какое-то время и не связанный с особым напряжением сил и особыми препятствиями. Его существование обнаруживается, как правило, уже на стадии перехода, которая наступает естественным образом и в свой черёд и требует лишь благоприятных условий и отсутствия помех. В этом смысле искусственное ускорение здесь нежелательно и часто приводит к обратным результатам.

Среди важнейших признаков, указывающих на преодоление языкового барьера, следует назвать следующие:

- прежде всего, внутренняя *уверенность* и свобода в использовании языка, отсутствие сомнений в правильности употребления;
- ориентация в большей степени на *интуицию*, чем рациональное знание, что часто выражается в невозможности объяснить и обосновать значение и употребление, в отношении которых нет сомнений;
- невозможность адекватно перевести устную или письменную речь, которая кажется совершенно понятной, как с английского языка на русский, так и обратно;
- способность думать и, соответственно, говорить или писать по-английски, если это происходит произвольно, ненамеренно и обычно неожиданно, когда мысль или даже слово сразу приходят по-английски и не могут быть выражены иначе;
- ощущение того, что язык *знаком*, когда даже совершенно новое и неизвестное слово *выглядит* или *звучит* именно по-английски, а не на другом языке, и когда одни слова кажутся более английскими, чем другие;
- способность, как мысленно, так и в речи, полностью обходиться без русского языка, формулировать английские мысли *сразу* по-английски, не прибегая к логике русского языка;
- понимание эстетических свойств языка, умение чувствовать его красоту и безобразие, то, в каких случаях речь более изящна, элегантна, эмоциональна, смешна и т. п.

Конечно, все эти признаки появляются не одновременно и не в полном объёме. Но если некоторые из них выглядят достаточно убедительно и последовательно, скорее всего, можно говорить о положительной тенденции. На данном этапе, однако, не принимаются во внимание ни *качество* самого языка, ни *количество* знаний о нём. До некоторой степени оба они, разумеется, необходимы, но судить по ним о преодолении языкового барьера нельзя. Хорошая память и быстрый ум позволят механически – и, возможно, очень надёжно – запомнить грамматику и лексику, так, чтобы в реальном времени переводить с русского языка на английский и наоборот. Внешне это может даже не отличаться от владения на высоком уровне. Но от насто-

ящего владения это так же далеко, как простое умение писать – от способности создавать литературу.

Язык как актёрская игра

Одно из главных психологических препятствий на пути к свободному использованию языка состоит в боязни ошибиться, что в свою очередь приводит к постоянной внутренней самопроверке и неспособности расслабиться. Умение говорить *правильно*, однако, вторично и невозможно без умения *говорить* как такового. А последнее невозможно в полной мере без снятия напряжения и приобретения непринуждённости и удовольствия в работе с языком.

Например, можно представить, что владение языком в какой бы то ни было форме – это исполнение некоторой роли, подобно тому, как актёр на сцене или на съёмочной площадке перевоплощается в образ. Всё, что он говорит или делает *в образе*, не имеет отношения к нему *самому*, а лишь к его *персонажу*. Персонаж может вести себя так, как сам актёр в реальной жизни никогда бы себя не повёл (действительно, многие актёры в жизни совершенно другие, и часто очень стеснительные, люди). Во время игры его истинное *я* как бы отходит в сторону, оно полностью заслонено образом, никому не видимо, и – следовательно – оказывается в безопасности и не может быть объектом насмешек, порицания или осуждения. Вместе с тем, это не означает, что образ произволен. Он подчиняется своим собственным законам, но само его существование определяется и контролируется истинным *я* актёра.

Точно так же *я*, говорящий по-английски, это только мой образ, а не настоящий *я*. Говоря по-английски, *я* не ошибаюсь – ошибается мой *образ*. Равно и никаких успехов *я* не могу приписать *себе* – это успехи моего *персонажа*, моего *английского я*. Этот образ формируется со временем. Сначала он плоский и неубедительный, но по мере практики он наполняется плотью и кровью, приобретает свои специфические привычки, речевые и не только, характерные маннеризмы, особые интонации. Более того, он самосовершенствуется, делается самостоятельным, в чём-то приближаясь к моему *я*, а в чём-то отдаляясь.

Между прочим, это не столько даже рекомендуемый метод, сколько описание существующего положения дел. Внимательное наблюдение очень часто позволяет заметить, что человек, который свободно владеет двумя языками, пользуясь каждым из них, неосознанно несколько меняет своё поведение, жестикуляцию, мимику, темп речи, – иными словами, *перевоплощается*. Эти изменения подчас минимальны и по отдельности могут быть почти незаметны, но в совокупности они оставляют ощущение того, что человек уже как будто немного *другой*, а потом (возвращаясь к родному языку) снова *прежний*. В принципе, здесь нет ничего удивительного, поскольку происходит смена языковой маски, а вернее, мировоззренческой парадигмы, ей олицетворяемой, так, что моё *русское я* несовместимо с *английским*, не может функционировать в *английской парадигме*, и наоборот. Можно назвать это и своеобразным раздвоением личности, в состоянии которого наше сознание пребывает – параллельно или попеременно – в двух языковых вариантах. Собственно, такая ситуация и есть неопровержимое свидетельство того, что овладение языком уже во многом произошло и языковой барьер оставлен позади.

Качество речи

Стремление к высокому качеству устной и письменной речи, несомненно, важно, но делать его *основополагающим* принципом обучения не стоит, особенно на том этапе, когда языковой барьер ещё не преодолен. Качество – это *результат* практики, длительного опыта, в результате которого индивидуальная речь саморегулируется в соответствии с теми образцами, на которые она ориентирована.

Определяющим критерием качества речи является не её грамматическая правильность и адекватное словоупотребление, а то, *насколько точно* она передаёт мысль. Если наш собеседник верно понял то, что мы хотели ему сказать, значит, наша речь достигла цели. Таково, собственно, и предназначение грамматики – это набор универсальных правил, пользуясь которыми, люди способны понимать друг друга; без общей для всех (в рамках одного языка) грамматики речь одного человека была бы несоизмерима речи другого. Поэтому соответствие нормам грамматики нельзя считать *целью*, скорее это *следствие* нашего стремления быть понятыми. И в этом смысле понятная (и понятая) речь обычно в значительной степени правильна.

Вместе с тем, если даже языковой барьер преодолен, но полной уверенности во владении языком ещё нет, желательно ограничиваться *достаточным* качеством и не усложнять речь без необходимости. Чем проще грамматический строй речи, тем меньше вероятность допущенных ошибок. Помня о том, что одну и ту же мысль можно выразить разными способами, выбирать следует самый простой, и лишь освоив его, переходить к более сложному. Например, описывая некоторый объект, достаточно *перечислить* его свойства, расставляя акценты интонацией и/или жестами – здесь можно обойтись без сказуемых и придаточных оборотов. Рассказывая историю, необязательно использовать длинные и сложные предложения – можно даже самое запутанное действие описать короткими простыми конструкциями. Конечно, такая речь может – и будет – выглядеть более или менее примитивно, однако, не нужно считать это недостатком. Во-первых, примитивная, но ясная речь лучше, чем сложная, но тёмная, а во-вторых, саму примитивность речи можно представить как особый индивидуальный стиль (временно – если это не соответствует стилю мышления).

Что же касается ошибок в речи, тут надо заметить, что под ошибкой, как правило, подразумевается два совершенно различных явления. Собственно – и в свете вышесказанного – ошибка есть нарушение грамматического правила или нормы словоупотребления. Но если в одном случае это нарушение приводит к существенному *искажению* или вовсе исчезновению смысла, то в другом – лишь к *изменению* стилистической окраски и прочим нюансам, не затрагивающим *эффективность* речи. Таким образом, ошибка может оказаться не более чем языковым *вариантом*, скажем, менее употребительным, но от того не менее легитимным.

Язык вообще вариативен и изменчив. Учебники и словари отражают его состояние на определённый период времени и, естественно, в какой-то мере делают это состояние *правильным*, то есть, обязательным к использованию. Но всё же язык – это естественное явление, и как всякое естественное явление он не столько подчиняется придуманным правилам и законам, сколько диктует их. То, что было ошибочным век назад, сегодня считается нормой, и наоборот, но не потому, что кто-то принял такое решение и заставил всех ему следовать, а потому, что так получилось само собой, под влиянием случая, исторического курьёза, моды, и было впоследствии зафиксировано. Более того, язык меняется быстрее, чем составляются учебники и словари, да и авторы их бывают склонны к консерватизму, поэтому нередко даже формально правильное употребление становится на деле малоупотребительным.

Как же в итоге следует относиться к ошибкам в речи? Культивировать их ни к чему, но и тщательно избегать необязательно. Важно понимать, насколько та или иная ошибка *естественна* – или была бы естественна – для носителей языка, насколько она помогает – или пре-

пятствует – тому, чтобы выразить нужный оттенок смысла. Знание нормы никогда не будет лишним, но абсолютизировать его не стоит. Ориентироваться нужно на язык как таковой, а не на его описание.

Сроки обучения

Всякий естественный процесс протекает в собственном естественном темпе. Этот темп в одних случаях можно и нужно увеличить, в других – нет. Допустим, при плотном рабочем графике мы стараемся не тратить *слишком* много времени на еду, но если есть *слишком* быстро, можно нанести вред пищеварению и, соответственно, здоровью, а в итоге – и самому рабочему графику. Здесь ускорение возможно до *некоторого предела*, а далее – нежелательно. Срок вынашивания плода женщиной составляет девять месяцев. Этот процесс, наверное, тоже можно ускорить, но мало кто всерьёз готов на это пойти.

Подобных примеров множество, и они, конечно, тривиальны, но почему-то изучение языка к их числу не относят, хотя само образование в целом, в разных его институциональных формах и на разных этапах, вовсе не стремится к ускорению и сокращению. Действительно, трудно найти учебник, предлагающий *весь* курс физики или истории за некоторый короткий промежуток времени или разбитый на некоторое сравнительно небольшое число уроков. Вместе с тем, все такого рода учебники и методики по языку невозможно перечислить. Часто они даже кажутся успешными. Но так ли это?

У каждого человека имеется своя скорость и специфика обучаемости, определяемая его личными особенностями. Изменение этой скорости и специфики без изменения личности ведёт к дисгармонии и нарушению внутреннего баланса, а изменение личности ради обучения представляется антигуманным. Помимо этого, чрезмерное ускорение в постижении языка сопровождается таким количеством упрощений и искажений материала, что лишь с большой долей условности получаемый результат можно вообще считать владением. Скорее это базовая парадигма, в которой в лучшем случае заложено лишь количественное расширение, а не качественное улучшение. Наконец, понимая под языком мировоззрение, кажется абсурдным желание ускорить его усвоение – мировоззрение только и может быть усвоено в естественном темпе. Оно требует как рационального осмысления, так и интуитивного чувства, проверки опытом и самим временем, адаптации к индивидуальным качествам.

Говоря без преувеличений, овладение языком как мировоззрением в *полной* мере (или в приближении к таковой) требует всей жизни. Однако этот процесс протекает неравномерно, так, что *достаточной* степени владения можно достичь и за несколько лет, в дальнейшем лишь совершенствуясь. Прогресс наиболее заметен на начальных стадиях, чем дальше, тем сложнее его отследить. Не исключено, что на каком-то этапе он и вовсе останавливается, но такая установка – плохой мотиватор.

Во всяком случае, в изучении языка не следует намеренно спешить и ориентироваться только на внешние и формальные результаты, определять произвольные сроки. Осознание того, что язык становится *понятным*, приходит само и в своё время. Можно лишь оказывать содействие, способствовать или хотя бы не препятствовать этому процессу. Но принудительно ускорять его – значит нарушать естественный ход событий.

Задачи преподавателя

Учёба – это нелёгкий труд, но ничто не мешает труду быть столь же приятным, как развлечение и отдых. Поэтому, вообще говоря, важнейшая и самая сложная задача преподавателя во время всего периода обучения, но особенно на начальном этапе, состоит в том, чтобы добиться расположения ученика, завоевать его доверие и создать тёплую, непринуждённую и свободную обстановку. Здесь не помешает известная доля артистизма, хотя лучше всего добиваться этого посредством искреннего – или искренне сыгранного – интереса и симпатии. Но последнее не всегда имеет место. Нет такого ученика, который подходил бы любому преподавателю, и нет такого преподавателя, который подходил бы любому ученику. Если взаимопонимания достигнуть не удаётся, занятия следует прекратить.

На самых ранних этапах требуется не столько преподавательское мастерство, сколько навыки общения, все из которых хорошо известны. Скажем, нет ничего странного в том, чтобы одно-два первых занятия целиком посвятить *разговору о жизни*, об интересах и увлечениях друг друга и тому подобном – полностью на русском языке, если уровень английского недостаточен. Такой разговор может со стороны показаться пустой тратой времени, но для опытного преподавателя он будет отличной возможностью обнаружить и оценить различные стороны личности ученика, специфику его мышления и характера, необходимые для будущей работы. В дальнейшем подобного рода разговоры – но уже в значительно меньшей пропорции и с постепенным переходом на английский язык – должны стать органичной частью занятий.

Безусловно необходимо утвердить и поддерживать собственный авторитет, но иронично и с юмором, как по отношению к себе, так и к ученику. Авторитет преподавателя при этом не должен быть непререкаем, напротив, так или иначе желательно поощрять проверки его на прочность (имея в виду, конечно, положительный их результат), поскольку именно таким способом формируется уважение. В то же время, авторитет не должен казаться и недостижимым, поскольку цель его – мотивировать ученика. Преподавателю допустимо и даже желательно периодически допускать ошибки, сомневаться, размышлять вслух, признаваться в незнании чего-то, но только тогда, когда авторитет уже установлен (при верном применении это может даже способствовать его укреплению).

Свой естественный стиль общения преподаватель должен принаравливать к каждому ученику, исходя из его темперамента и прочих особенностей, так что, каких-то общих рекомендаций здесь дать нельзя. Можно лишь заметить, что не стоит злоупотреблять ни чрезмерными поощрениями, ни чрезмерными порицаниями. Каждый положительный комментарий должен заключать в себе и некоторую оговорку, и наоборот. Ученику следует самому, пусть и не без помощи преподавателя, формировать суждение о собственных успехах. Это суждение – как, впрочем, и суждение, высказываемое преподавателем, – может быть не вполне или даже вовсе не адекватным, значение имеет лишь то, насколько оно эффективно в контексте обучения.

Язык как образ жизни

Первоочередная задача ученика – выработать правильное *отношение* к языку. Всякий изучаемый язык должен восприниматься не как условно-школьный предмет, не как специфическая область знаний, которую необходимо освоить, а как иной *образ жизни*, органичный в контексте *любой* деятельности, вообще любого времяпрепровождения. Вне зависимости от уровня владения язык должен стать неотъемлемым и при том естественным компонентом как повседневной действительности, так и самой личности.

Собственно, именно так функционирует родной язык. Мы пользуемся им постоянно, вне зависимости от наших желаний, настроения, самочувствия, ситуации и прочего. Если мы не можем ясно и точно выразить нечто посредством языка, нам (и уж во всяком случае, окружающим) кажется, что мы просто недостаточно хорошо это понимаем. В сущности, мы при всём желании *не можем* полностью отказаться от родного языка, особенно, если у нас нет другого. Родной язык усвоен нами настолько глубоко, что он – часть нас. Вместе с тем, коль скоро он пребывает в нас, мы пребываем в нём. И в этом смысле родной язык, как сам по себе, так и в качестве квинтэссенции соответствующей культуры, является нашим образом жизни. Изучая родной язык, мы конкретизируем то, что нам и так хорошо известно, открываем закономерности касательно того, чем уже давно и свободно пользуемся.

Иностранный язык требует такого же *отношения*, даже если изучаем мы его как предмет. Нельзя ограничить работу над языком уроками и заданиями, чтением учебника и разговорной практикой, особенно если всё это чётко регламентировано и формализовано. Основная работа над языком, его постижение, усвоение нового материала, происходит самостоятельно и *вне* учебного времени. Необходимо связывать язык с жизнью и самим собой, постоянно искать точки соприкосновения и пересечения, везде, где это возможно, замещать родной язык иностранным, постоянно иметь в виду присутствие последнего и быть готовым его использовать. Вполне допустимо в силу усталости или скуки не сделать упражнение или не прийти на урок, но совершенно недопустимо без веских причин предпочесть родной язык иностранному.

На начальном этапе всё это обычно требует высокой самодисциплины (одного лишь энтузиазма и интереса редко оказывается достаточно), но впоследствии, по мере приближения к языковому барьеру, такое отношение к языку постепенно входит в привычку, так, что оба языка – и родной, и иностранный – оказываются в одинаковом *статусе*, несмотря на разницу в *качестве* владения. Переключение между языками происходит относительно свободно, и ни один из них ничего не теряет, даже находясь в неактивном состоянии, подобно тому, как художник остаётся художником даже когда не рисует.

Языковые навыки

На практическом уровне владение языком традиционно сводится к четырём навыкам: умению говорить, писать, понимать на слух и читать. Эти навыки взаимосвязаны, так, что, с одной стороны, развивать их следует по возможности вместе, а не по отдельности, а с другой стороны, развитие какого-то одного из них способствует и развитию всех прочих. Из этого не следует, разумеется, что одни навыки не могут в обучении даваться легче, чем другие – напротив, так обычно и происходит. Однако при возникновении особых трудностей с некоторым навыком, работать над ним можно как напрямую, так и уделяя внимание параллельным, заменяющим навыкам. Устная речь соответствует письму, а понимание на слух – чтению. Например, необязательно заставлять ученика много говорить, если он совсем не хочет или испытывает стеснение. До тех пор, пока не найден общий язык с преподавателем и не достигнута комфортная атмосфера, можно вполне обойтись написанием (по-английски) и обсуждением (по-русски) писем и сочинений.

Приобретение каждого из навыков начинается с некоторой *теоретической* подготовки, усвоение же и развитие осуществляется посредством *практики*. Как гласит прекрасное английское изречение: *practice makes perfect* – практикой добиваются совершенства. Рекомендация относительно количества практики проста: чем её больше (и чем она разнообразнее), тем лучше. В условном соответствии четырём навыкам можно выделить и четыре вида практики.

Разговорная практика сводится, собственно, к беседе с преподавателем. Тема беседы не должна быть предписана заранее, она определяется исходя из нужд данного момента и предлагается учеником или, в крайнем случае, находится совместно. Преимущество следует отдавать личным темам – обсуждение нейтральных вопросов, вроде погоды или политики, неэффективно, а зачастую просто скучно. Независимо от уровня беседы, она должна быть *живой*, неформальной. Продолжительность её не следует предписывать, и хотя общая тенденция должна быть направлена на увеличение, требовать этого не стоит, и порой можно ограничиться несколькими фразами. На самых ранних этапах обучения полноценная беседа, конечно, невозможна, во всяком случае, со стороны ученика, главным образом, из-за нехватки лексики. Пополнение словарного запаса принципиально важно, однако, нужно и уметь обходиться тем, что есть. В устной речи можно с большой пользой применять жестикуляцию, мимику, схематично рисовать нечто на бумаге. Иными словами, задача состоит не столько даже в том, чтобы пользоваться английским языком, сколько в том, чтобы *не* пользоваться русским.

Впрочем, *цель* всей разговорной практики – плавность речи (*fluency*), свободное владение, не обременённое размышлениями о том, как сказать, не допущена ли ошибка, какое подобрать слово и тому подобном. Не следует явно указывать на промахи ученика, допустимо лишь мягко поощрять подражание речи преподавателя. Если имеется некоторая особенно грубая и часто повторяемая ошибка, на неё надо обращать внимание, но только не сразу, во время беседы, а после. По возможности же исправлением любого рода ошибок лучше жертвовать ради приобретения уверенности речи. Во всяком случае, научиться говорить *правильно*, как кажется, легче, чем научиться говорить *свободно*.

Исключительно полезной разновидностью разговорной практики является *беседа с самим собой*. Отсутствие внешнего контроля в лице преподавателя или вообще собеседника хорошо способствует раскрепощению и совершенствованию качества речи. Похожий принцип известен в боевых искусствах – сражаясь с воображаемым противником, мы обычно побеждаем. Разговаривая с собой, неважно, вслух или про себя, в разных обстоятельствах, ученик не только практикуется, но и формирует *привычку* к языку, ощущение того, что язык не ждёт его в назначенное время или на заданной странице, а всегда находится буквально рядом,

на расстоянии мысли. Опять же, разговор с собой – это необязательно длительная дискуссия в нескольких лицах, это могут быть отдельные предложения, фразы, слова. Вопрос лишь в том, насколько естественно они используются и насколько точно отражают наши намерения.

Понимание устной речи – это необходимый залог и неотъемлемая часть разговорной практики, беседы. Преподавателю в этой ситуации не стоит увлекаться цветистыми оборотами и редкими словами, но в то же время ни к чему и чрезмерные упрощения. Задача ученика состоит в том, чтобы в реальном времени раскладывать звуковой поток речи на отдельные слова или хотя бы группы слов и выделять из них ключевые по смыслу, ориентируясь в том числе на интонацию и мимику.

Необязательно понимать устную речь до последнего слова, достаточно, если понятны хотя бы *некоторые* слова, на которые в дальнейшем опирается и сам преподаватель, демонстрируя связи этих слов с новыми, прежде неизвестными. Именно беседа и восприятие на слух являются наиболее плодотворной средой для *усвоения* новых слов, поскольку последние запечатлеваются в сознании и памяти в качестве органичной части контекста и нагружены ситуативными ассоциациями. Закреплять такое запоминание можно экскурсами в этимологию, историю слов и прочие смежные области.

Тренировать понимание речи можно (и нужно) и самостоятельно. Например, просто слушая неадаптированную английскую речь в записи. Это можно делать в фоновом режиме, собственно *понимать* что-либо в данном случае нет необходимости. Любой незнакомый язык производит поначалу впечатление бессмысленного и хаотичного набора звуков, но достаточно долгое прослушивание позволяет уловить повторяющиеся элементы, паузы, характерные фонетические особенности и тому подобные нюансы, так, что и в отсутствие всякого теоретического знания, язык не становясь более *понятным*, становится более *знакомым*, привычным. А нечто знакомое интуитивно воспринимается как в некоторой степени понятное. Само звучание языка непременно должно войти в *привычку*, то есть, стать психологически комфортным и не вызывать отторжения. Такое фоновое прослушивание не требует напряжения внимания, эффект здесь реализуется скорее на подсознательном уровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.